

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

МАТЕРИАЛЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

по результатам подготовленной научно-квалификационной работы
(диссертации)

Современный кризис политической утопии в западном марксизме

Иншаков Илья Александрович

Направление подготовки: 41.06.01 Политические науки и
регионоведение

Профиль программы: Теория и философия политики, история и методология
политической науки.

Аспирантская школа по политическим наукам

Аспирант _____ / Иншаков Илья Александрович /

Научный руководитель _____ / Капустин Борис Гурьевич /

Директор Аспирантской школы _____ / Малинова Ольга Юрьевна /

Москва, 2022

Постановка проблемы и обоснование актуальности

Распад Советского Союза и, шире, Восточного блока, оказавшийся неожиданностью как для большинства западных левых, так и для политической теории в целом (Isaak, 1995), ознаменовал собой окончательное крушение радикального левого политического проекта: хотя на уровне философских и политических решений западный марксизм, к примеру, изначально формировался в оппозиции и сталинской, и троцкистской версиям марксизма, советский опыт оставался символическим олицетворением самой возможности альтернативы капитализму. В результате последнее десятилетие XX века прошло под знаменем либерального триумфа «конца истории» (Fukuyama, 1989) и, с другой стороны, «меланхолии левых» (Traverso, 2016). Несмотря на тактические политические успехи в первые два десятилетия XXI века (антиглобалистское движение, протесты «Occupy Wall Street», появление «пиратских партий», победа СИРИЗА в Греции и «Подемос» в Испании, протесты «желтых жилетов» во Франции), левым не удастся достичь стратегических изменений в глобальном статус-кво и не удастся надолго удержать политическую власть, по крайней мере, не перестав быть радикально левыми. Тот факт, что разные практические стратегии, осуществляемые в разных социальных и экономических контекстах, приводят к схожим результатам, позволяет поставить вопрос о продолжающемся *концептуальном кризисе современных левых*.

Комментируя сложившееся к концу XX столетия положение дел, философ-постмарксист Фредерик Джеймисон однажды отметил, что *«конец света сегодня представить легче, чем конец капитализма»* (Jameson, 2003). Еще до этого Юрген Хабермас начал говорить об *исчерпании утопических энергий* в современном мышлении (Хабермас, 2005; см. также Traverso, 2016). Иными словами, современный кризис левых связан, в первую очередь, с кризисом одного из центральных концептов левого политического мышления – *концепта утопии*. Даже авторы, с оптимизмом констатирующие

возможности для подъема левых на фоне кризиса глобального капитализма, вынуждены признать, что сам по себе этот кризис еще не облегчает поиск возможных альтернатив (Жижек, 2011; Будрайткис, 2019). Более того, императив «*There are no alternatives*» и является сегодня основным легитимирующим нарративом сложившего политического и экономического порядка (Капустин, 2010), который вовсе не настаивает на своей идеальности, но при этом заявляет себя в качестве единственной *приемлемой* формы из тех, что реально достижимы (Жижек, 1999). Таким образом, мы оказываемся в реальности «*бессубъектной политики*» (Капустин, 2009), «*постполитики*» (Mouffe, 2005) и «*постдемократии*» (Рансьер, 2006; Крауч, 2010), воспроизводящей саму себя, в том числе, за счет элиминирования возможности утопического мышления.

Подобная проблематизация требует некоторых пояснений. Сказанное выше не означает, что утопия – единственный концепт, с которым у современных левых возникают проблемы; точно так же оно еще не объясняет, почему политическая теория должна быть заинтересована в решении проблем левой мысли. Однако именно кризисное положение дел в связи с этим концептом, на протяжении долгого времени «подпитывавшимся» теоретическими ресурсами левой традиции, имеет важное эвристическое значение для политической теории в целом. Если мы принимаем тезис о том, что именно *критика существующего статус-кво* является одним из ключевых инструментов понимания действительности¹, то сегодня мы вынуждены диагностировать серьезные проблемы с применимостью этого инструмента, которые связаны с отсутствием той перспективы, из которой должны осуществляться критика или вопрошание о статус-кво. *Этой перспективой и является утопия*. Иными словами, вопрос о кризисе утопии – это, в первую

¹ В качестве примеров такого эвристического хода можно упомянуть функцию критики в понимании феномена насилия у Вальтера Беньямина (Беньямин, 2012); роль «практической утопии» альтернативных исторических возможностей в методе «реконструкции формирования» государства Пьера Бурдьё (Бурдьё, 1999); значение утопии всеобщей занятости для критического анализа современных социальных проблем безработицы с точки зрения Фредерика Джеймисона (Джеймисон, 2011); критическую реконструкцию практик управления, опирающуюся на утопическое мышление, в проекте Джорджо Агамбена (Агамбен, 2011 и далее; об утопических предпосылках проекта Агамбена см. Sinnerbrink, 2015).

очередь, вопрос о кризисе в понимании существующей политики, позиционирующей себя в качестве внеутопической; неспособности разглядеть ее динамику и структурные проблемы, которые могут быть скрыты за внешней саморепрезентацией (по аналогии с вопросом о революции как теоретическом понятии, см. Капустин, 2019). Таким образом, **проблемой работы** является *ограниченность эвристического и критического потенциала политической теории, возникающая из-за концептуально неоднозначного и оспариваемого статуса понятия утопии в левой политической теории*. При этом, под *неоднозначным и оспариваемым статусом утопии* имеется в виду не проблема отсутствия раз и навсегда зафиксированной и бесспорной дефиниции утопии (стремиться к этой цели было бы столь же невозможно, сколь и бессмысленно). Имеется в виду тот факт, что ряд современных левых теоретиков – в первую очередь, принадлежащих, либо испытывших влияние марксистской традиции – либо в принципе готовы отказаться от этого понятия, либо редуцировать его к практическим стратегиям борьбы (Callinikos 2003; Srnicek, Williams, 2015) или другим теоретическим концептам: субъекту (Хардт, Негри 2004; Вирно, 2013), процедуре (Хабермас, 2008), структурным характеристикам политики (Mouffe, 2005), вследствие чего возможно исчезновение самого *пространства* говорения об утопии.

В таком случае, возникает **вопрос**: *как возможно появление политической утопии в рамках западного марксизма сегодня?* Аналитически этот вопрос может быть разделен на **две составляющих**: (1) *каковы теоретические предпосылки оспариваемого статуса утопии в традиции западного марксизма?* (2) *Каковы сегодняшние концептуальные условия, препятствия и возможности для существования утопии западного марксизма в горизонте политического?*²

² Термин «концептуальный» здесь передает несводимость такого рода условий к чисто эмпирическим феноменам в двух смыслах: анализ традиции западного марксизма направлен на выявление релевантных теоретических аргументов (обретающих влияние на действительность через свой перформативный характер), а не практических трудностей коллективного действия или policy implementation; анализ конфигурации современного капитализма, в рамках которого сегодня действует данная традиция, направлен на выявление его конститутивных, основополагающих признаков, а не описание экономической конъюнктуры или особенностей действующего законодательства конкретных государств. В свою очередь, акцент на

Широту понимания проблематики утопии в политической теории наглядно иллюстрирует тот факт, что отдельные авторы отождествляют с утопией *политическую теорию как таковую* (Lassman, 2003) или, как минимум, идентифицируют утопические предпосылки, лежащие в основании социологического мышления (Jacobsen, Tester, 2012). Более того, тема утопии выходит не только за пределы политической теории, вплоть до выделения *utopian studies* в отдельное дисциплинарное направление, представленное одноименным журналом, но и за границы научного поля как такового, фигурируя в качестве важного компонента ряда религиозных учений, произведений художественной культуры и продуктов публицистического дискурса. Исходя из этого, необходимо пояснить, что в данной работе речь идет об утопии как политико-теоретическом концепте и явлении мира политики³, но не об утопии как одноименном жанре художественного произведения (см. Чаликова, 1994), понятии теории искусства (см. Гройс, 1993) и объекте исключительно методологических дискуссий (см. Вахштайн, 2014) – при всей неизбежной тонкости данных **тематических границ работы**. В работе также не рассматриваются возможные не-западные предпосылки утопизма в новоевропейской западной мысли постольку, поскольку они не образуют собой целостной традиции политико-теоретического мышления (см. Kumar, 2003).

Наконец, хотя на уровне проблематизации речь идет о современной левой мысли как таковой, избрать ее объектом исследования представляется невозможным, во-первых, по причине невыполнимого объема такой задачи, а во-вторых, вследствие концептуальной и нормативной оспариваемости границ самого понятия «*левые*». Поэтому исследование сфокусировано на одном из

«политическом» в формулировке вопроса подразумевает возможность теоретизирования утопии, не сводимой ни к чисто этическим или экономическим представлениям, ни к так называемым «*смещениям политики*» в сторону *архиполитики*, *метаполитики* и проч. (Marchart, 2007).

³ Кошь скоро в случае утопии «*понятие неотлично от реальности, а онтология совпадает с репрезентацией*» (Джеймисон, 2011).

центральных направлений современной левой мысли – *западном марксизме* (как его принято понимать в классических текстах, посвященных его анализу: Андерсон, 2016; Kellner, 2005). Данный выбор связан с парадоксальной ролью марксистской традиции для теории утопии. С одной стороны, именно марксизм – точнее, его западная ветвь – оказался самым теоретически разработанным направлением левой мысли. С другой стороны, именно марксизм, во многом, оказался ответственен за проблемы в связи с утопией – как в теоретическом аспекте критики утопии самим Марксом, так и в своем центральном политическом опыте. Советский проект, открывший проблемный для утопии опыт ГУЛАГа, позиционировал себя именно как марксистский, несмотря на все дискуссии по этому поводу среди историков идей и политических теоретиков. Напротив, западная традиция возникла в отрыве от советского опыта и пошла по пути отделения теории от политической практики (Андерсон, 2016), поэтому под западным марксизмом мы будем понимать не политическое движение, а *теоретическую традицию в философии, социологии и политической теории, основанную на интерпретации работ Карла Маркса и (в меньшей степени) Фридриха Энгельса, выраженную в ограниченном наборе каноничных текстов с 1920-х годов по настоящее время* – что является **границами объекта** данного исследования. В таком качестве «западный марксизм» выступает объединяющим, «зонтичным» термином для более узких понятий («неомарксизм», «постмарксизм» и т.д.), позволяя дистанцироваться от дискуссий по поводу тонких границ между ними.

Следует подчеркнуть, что современные марксистские дискуссии о кризисе утопии разворачиваются в условиях перманентных попыток оспаривания левыми консенсуса о переходе к *пост-идеологическому обществу*, сложившегося на протяжении второй половины XX века (Lipset, 1960; Bell, 1962; Fukuyama, 1989; Berg, 2012). Параллельно утопические претензии левой, в частности, марксистской мысли, были подвергнуты нормативной критике Карлом Поппером (Поппер, 1992) и Раймоном Ароном

(Арон, 2015); неявным образом конструктивный потенциал утопического мышления был также дезавуирован системной теорией в версии Никласа Лумана (Мюллер, 2013). В дальнейшем критика в адрес утопий была развита в эмпирическом исследовании утопических элементов в практиках тоталитарных режимов (см. Amis, 2002 с полемическим обсуждением в Levitas, 2003; Серенсен, 2014) и, шире, неудачных модернизационных проектов по всему миру (Скотт, 2005). Иными словами, возможность существования утопии оказалась подвергнута сомнению как на уровне сущего («утопии больше не существуют»), так и на уровне должного («утопии опасны и не должны существовать»).

В этой ситуации базовым теоретическим ходом становится обращение к анализу исторического материала западной марксистской традиции с целью прояснения ее отношения к утопии. В первую очередь, дебаты разворачиваются вокруг исходной точки – знаменитой критики Марксом и Энгельсом своих предшественников в лице утопических социалистов в третьей части «Манифеста коммунистической партии» (Маркс, Энгельс, 2014; дискуссии о значении и интерпретации этой критики см. в Шацкий, 1990; Oizerman, 2002; Abensour, 2017; Fischbach, 2017). Другой реперной точкой становится критика влиятельного наследия Франкфуртской школы (Андерсон, 2016; Стюарт, 2018) и поиск путей преодоления сложившегося кризиса за счет обращения к иным ресурсам марксизма, например, к «философии надежды» Эрнста Блоха (Privatization of Hope, 2013; Rismal, 2017). Безусловно, подобные обращения к традиции также имеют целью и разрешение специфически современных проблем, например соотношения утопии и глобализации (Harvey, 2000), утопии и постмодернизма (Джеймисон, 2019). С другой стороны, важный вклад в изучение взаимодействия марксизма и утопии вносят также работы немарксистских авторов, посвященные более широкому академическому вопросу об истории развития утопии как таковой (Buber, 1958; Manuel, Manuel 1979; Kumar, 1987) .

Иная возможность теоретизирования утопии сегодня связана с функциональным подходом, дистанцирующимся от *«проклятого вопроса»* (Джеймисон, 2011) о ее содержании, поскольку последнее является непосредственно политическим конструктом и всегда связано с тем, *из какой политической перспективы* совершается высказывание об утопии. С точки зрения своей функции, утопия – это трансцендентная по отношению к текущей реальности ориентация, которая одновременно *не соответствует* ей и *подрывает* ее, заключая в себе *преобразующую* функцию (Мангейм, 1994; см. также Turner, 2003), становясь критикой устоявшегося «здорового смысла» (Bauman, 1976: 65-69). При этом, противоречие между реальностью и утопическим проектом является *принципиальным* – несводимым, например, к вопросу о технологических возможностях (Marcuse, 1970) – но в то же время конкретно-историческим, поскольку конкретной, исторической является сама реальность. С другой стороны, в последние три десятилетия все чаще артикулируется тезис об *уже победившей* утопии, в реальности которой мы живем сегодня – будь то утопия мирового капитализма (Жижек, 2011), сопутствующего ему либерализма (Розанвалон, 2007), преодоления сексуальной дифференциации (Бодрийяр, 2000) и т.д. – утопии, которая, говоря языком Карла Мангейма, стала *идеологией*. Таким образом, функциональный подход позволяет увидеть не столько сугубо ментальный, сколько онтологический характер утопии, что является удачной стартовой позицией для теоретизирования утопии в контексте политического сегодня в нашей работе. С этой же функциональной позиции мы, вслед за Фредериком Джеймисоном, в дальнейшем будем различать понятия *дистопии* и *антиутопии* (Джеймисон, 2011). Если первая, являясь негативным вариантом утопии, так же нацелена на критику статус-кво путем гипертрофированного представления его характерных черт, то вторая являет собой идеологическое антиреволюционное отрицание утопии как пути к диктатуре, конформизму и т.д.

Таким же образом исчерпывающая дефиниция *политики/политического* сама по себе являлась бы политическим высказыванием, коль скоро вопрос о границах политического *является первым политическим вопросом* (Шмитт, 2000: 12). Вместе этого корректнее оговорить, что в своем понимании мы будем придерживаться *конфликтного подхода* к пониманию политического, артикулированного в его классической форме Карлом Шмиттом (Шмитт, 2016) и развиваемым сегодня пост-марксистской политической теорией в лице Шанталь Муфф (Mouffe, 2005), Жака Рансьера (Рансьер, 2013), а также, с оговорками, Алена Бадью (Бадью, 2005) (подробнее о специфике и ограничениях «левой апроприации» Шмитта см. Соболева, 2012; Specter, 2016).

Цель и задачи работы

С учетом обозначенных выше границ, **целью исследования** является выявление (как традиционных для западного марксизма, так и специфически современных) теоретических *предпосылок* оспариваемого статуса утопии в западном марксизме, а также концептуальных *условий*, делающих (не)возможным существование утопии западного марксизма в горизонте политического сегодня.

Для достижения данной цели предполагается выполнить **ряд задач**:

1. Зафиксировать концептуальное влияние темпоральных режимов модерна и постмодерна на статус и характеристики утопии.
2. Зафиксировать концептуальное влияние особенностей капитализма в его специфически современной конфигурации на статус и характеристики утопии.
3. Реконструировать ключевые реперные точки в истории осмысления утопии в рамках западного марксизма.

4. Выявить основные концептуальные стратегии, используемые современными теоретиками западного марксизма для защиты или реартикуляции понятия утопии.

Теоретико-методологические основания работы

Будучи нацеленной, в отличие от эмпирической политической науки, на обсуждение проблем онтологического и эпистемологического уровня, политическая теория уже по этой причине не стремится к формулированию собственной цельной программы на уровне методологии, логически возможной только *после* принятия определенного решения относительно первых двух уровней знания. Кроме того, именно с позиций социальной и политической теории ряд авторов критического толка (Лукач, 2003; Horkheimer, 1992) подвергают сомнению саму идею научной методологии в ее позитивистском представлении, заимствованном из модели развития естественных наук.

Однако сложность в вопросе выработки методологических оснований теоретического исследования выходит далеко за рамки полемики с философией позитивизма. Как объясняет Исая Берлин, эта сложность связана с самим характером проблем, которые ставит перед собой политическая теория (Берлин, 2002). Во-первых, она занимается классом *философских проблем*, то есть проблем, которые не содержат в своей формулировке имплицитного указания на методы их решения. Во-вторых, в обсуждении этих проблем политическая теория не ограничивается исключительно дескриптивным модусом, формулируя ценностные аргументы и используя для этого *нормативные понятия*, разногласия вокруг которых, среди прочего, имеют под собой фундаментальные основания в социальной онтологии спорящих сторон. Продолжая мысль Берлина, можно добавить: будучи способной к производству критики или апологии статус-кво и конкретных

реальных политик, политическая теория сама начинает функционировать как явление мира политического.

В наиболее явном виде эти философские интуиции находят свое методологическое выражение в проекте «концептуальной истории» («истории идей», *Begriffsgeschichte*) Рейнхарта Козеллека. Козеллек одним из первых предлагает обратиться не к чистой «истории духа» (*Geistesgeschichte*), но к анализу истории понятий в сменяющихся социальных контекстах. Для выполнения этой задачи предлагается комбинированный метод: изучение употребления понятий в конкретных контекстах (*синхронный анализ*) и дальнейшее выделение общих значений понятия путем его отделения от данных контекстов (*диахронный анализ*) (Koselleck, 2004).

На данном историческом пути можно выделить три этапа существования понятий, первым из которых является домодерновый период их становления, а последним – период их современного употребления. Между ними лежит эпоха, называемая Козеллеком *die Sattelzeit*⁴, – период, датируемый приблизительно 1750-1850 годами, в ходе которого многие ключевые социальные и политические понятия меняют свое значение одновременно в четырех измерениях (Козеллек, 2014: 27-31). Во-первых, это *демократизация* – происходит расширение области применения понятий на разные социальные группы вследствие распада сословного мира, развития публичной сферы, роста экстенсивного «читательского поведения». Во-вторых, *темпорализация* – понятия приобретают «оттенок ожидания», описывая уже не только статичные состояния («республика», «потребность»), но и движения, ответственные за динамичность истории («республиканизм», «рост потребностей»). В-третьих, *идеологизация* – возрастающая абстрактность многих понятий позволяет использовать их в разнообразных, нередко противоположных смыслах, в зависимости от интересов субъекта коммуникации. В-четвертых, *политизация* – в связи с ростом социального

⁴ Дословно – «седловинное время». Встречаются также варианты перевода «время горной впадины» или «время водораздела».

плюрализма возникают и усиливаются полемические пары противоположных понятий, в том числе переносимые в домен политического из философии истории («революционер» и «реакционер»). Таким образом, можно заметить, что понятия меняют свое значение не в силу имманентной логики языка, но в ходе «борьбы идей» друг с другом в связи с противостоянием разных социальных и политических практик; конкретные социальные ситуации становятся «полем борьбы» уже существующих и возникающих внутри них идей.

В то же время для концептуальной истории принципиально важным является факт того, что не только контекст влияет на содержание понятий, но и понятия трансформируют контекст Современности. В социальных конфликтах идеи выступают одновременно как объекты и орудия интеллектуальной борьбы, они могут реинтерпретироваться и «присваиваться» победившей стороной, но также могут переопределять образ сторон в глазах себя и друг друга⁵. Метод концептуальной истории должен быть подобен *маятнику* (там же: 39), который снимает традиционную оппозицию предметов истории идей (*Begriffsgeschichte*) и социальной истории (*Sozialgeschichte*). Осознание данного напряжения позволяет в каждом случае рефлексировать границы *пространства (прошлого) опыта*, определяющего понятие, а также оценивать его *горизонт ожиданий*, таким образом, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее понятия (Koselleck, 2004: 89-90; 255-276).

Именно стратегия сочетания концептуальной и социальной истории является наиболее действенной для раскрытия причин современного кризиса утопии и отслеживания политических и социальных последствий этого кризиса в горизонте ожиданий настоящего и будущего времени. Однако в полном объеме такое исследование может быть реализовано только большим

⁵ Иллюстрацией может служить риторическая функция понятия *ancient regime*: конституируя предшествующие социальные практики в качестве единообразного «старого» (в противоположность «новому» во Французской революции), понятие способствовало политической мобилизации более конфликтной и радикальной, нежели, например, в случае Американской революции, не сформировавшей аналогичного концепта в отношении Британии (Hunt, 1983).

коллективом специалистов с соответствующей политико-теоретической и исторической квалификацией (как это произошло в случае «Словаря основных исторических понятий»). Поэтому важно подчеркнуть, что данная работа концентрируется на «идейном», теоретическом полюсе этого маятникового движения, лишь внешним образом апеллируя к его корреляту в виде истории социальных практик.

Исходя из этого, следует зафиксировать *место понятия утопии* на категориальных координатах подхода Козеллека. В работе используется понимание утопии как *темпорализованного концепта* или *концепта движения* (*Bewegungsbegriffe*). В отличие от домодерновых утопий, утопии Нового времени не только описывают идеальное состояние дел, но ставят в центр вопрос о переходе к нему из статус-кво – вплоть до мелких вопросов организации пространства и распорядка дня, будь то коммуна Роберта Оуэна, фаланстер Шарля Фурье или швейная мастерская Николая Чернышевского; и наоборот, вплоть до описания *глобального*, мирового перехода к утопии в марксизме, если мы согласимся с мнением, что теория Маркса включала утопический элемент (см., например, Жижек, 2011: 34). Утопия в современном смысле слова может функционировать в порядке не только философского эскапизма или чистой критики, но и мобилизующего «клича», вероятно не ведущего к буквальной реализации утопии как пошаговой «программы действий», но способного оказать радикальное воздействие на социальный и политический статус-кво (неслучайно адвокат «конца истории» в версии Фукуямы Хэнк де Берг называет утопизм *«рецептом катастрофы»* (Berg, 2012: 29)).

Кроме того, такое понимание утопии методологически предполагает работу с ней как с *категорией из горизонта ожиданий*, несводимого к уже имеющемуся *пространству опыта*. Сам Козеллек проговаривает это в одном из эссе (Koselleck, 2002: 87-88), фиксируя разницу между «старыми» и «новыми» утопиями как разницу между *утопиями пространства* (Утопия Томаса Мора или Икария Этьена Кабе отделены от «нас» – по крайней мере,

на первый взгляд – только длиной пути) и *утопиями времени* (всегда перенесенными в ближайшее или отдаленное будущее, уже не столько утопиями, сколько «ухрониями»). Последние, по его заключению, в силу своей темпоральной удаленности, уже не могут быть схвачены в фокусе нашего реального опыта⁶. Столь же прямо в «Прошедшем времени» Козеллек атрибутирует Марксу *«такое понимание исторического процесса, который позволяет снова и снова отодвигать вдаль утопический горизонт ожиданий»* (Koselleck, 2004: 202; цит. по переводу Козеллек, 2004). Подобное понимание в высшей степени релевантно для проблематики данной работы.

Наконец, в том, что касается непосредственно утопии в западном марксизме как утопии *левой и критической*, подход Козеллека позволяет занять удачную дуальную позицию, в переносном смысле отвечающую классическому веберовскому требованию о сочетании «страсти» и «глазомера» в отношении существа дела (Вебер, 1990: 690). Значительную часть своей первой диссертации «Критика и кризис» Козеллек посвящает доказательству пессимистичного тезиса о том, что современный кризис политики есть следствие морализации и деполитизации общественного дискурса, которые были осуществлены силами общественной критики эпохи Просвещения в адрес авторитарного государства (Koselleck, 1988). Речь идет о критике, не принимающей во внимание внутренние ограничения реальной политики, критике с морализаторских и *утопических* позиций, результирующей в сегодняшнее состояние «бессилия» (*Herrschaftslosigkeit*), перманентного отсутствия легитимного политического и социального строя (Айзенберг, 2012)⁷. Такой подход логично сочетается с выбранным нами функциональным подходом к пониманию утопии в духе Карла Мангейма, о котором говорилось выше. Кроме того, взгляд с такой позиции позволяет сохранить дистанцию, пресловутый веберовский «глазомер», в отношении

⁶ «*As the future, it cannot be captured by experience*» (Ibid: 87).

⁷ На уровне «Прошедшего времени» риторика Козеллека звучит мягче, но критические интенции в отношении утопических концепций остаются, что подтверждается его английским переводчиком Кейт Трайб (Koselleck, 2004, p. XVIII)

изучаемого предмета – утопии в западном марксизме (чем отличается в лучшую сторону, например, от стратегии концептуального мышления Делеза и Гваттари, занимающих позиции левого активизма на грани академической работы и реальной политики). Говоря в категориях Макса Хоркхаймера (Horkheimer, 1992), если с определенного момента западный марксизм делает ставку на критическую теорию, то резкий настрой Козеллека дает возможность провести *критику критики* в отношении марксистской традиции, сохраняя полемический настрой прежде ее некритического принятия или догматического отрицания.

В то же время, отстраняясь на уровне конкретных политических импликаций, подход Козеллека делит с марксистами общую «страсть» конфликтной онтологии политического. Как показывает Тимо Панкакоски (Pankakoski, 2010), подход Козеллека, с его принципами *конкретности* и *конфликтности*, укоренен в концепции различения друга и врага из «Понятия политического» Карла Шмитта (Шмитт, 2016), а историческая реконструкция в «Критике и кризисе» во многом совпадает со шмиттовской философской аргументацией, изложенной в «"Левиафане" в учении о государстве Томаса Гоббса» (Шмитт, 2006). В свою очередь, как уже отмечалось выше, именно на конфликтном, шмиттеанском понимании политического с определенными оговорками базируются концепции современных теоретиков пост-марксизма. Таким образом, различительная способность выбранного подхода в отношении исследуемого объекта гарантировано выполняется хотя бы на самом базовом уровне – присутствия в одной онтологии. Вместе с тем, как справедливо отмечает Панкакоски, уровень конфликтности в разных исторических контекстах неодинаков, поэтому развитие тех или иных теоретических концептов не может быть понято исключительно как функция от их эффективности в качестве «политического оружия» (Pankakoski, 2010: 770). Данный аргумент также должен быть принят во внимание при работе с понятием утопии. Кроме того, следует отметить, что некоторые из обсуждаемых в работе авторов могли не обращаться к теме утопии

целенаправленно, рассматривая ее в более широком комплексе проблем. Исходя из этого, мы должны логически дедуцировать из их концепций непосредственно те элементы, которые относятся к интересующим нас понятиям *утопии* и *политического*.

Научная новизна работы

Научная новизна проведенного исследования связана с:

1. Рассмотрением проблемы с использованием методов «концептуальной истории», что дает возможность не только анализировать ключевые теоретические ходы западного марксизма «по существу», но также описать и проанализировать их складывание в контекстуально конкретном и конфликтном взаимодействии с другими концептами.

2. Совмещением анализа теоретических предпосылок, внутренних для традиции западного марксизма, с анализом специфически современных условий, в которых вынуждены действовать авторы данного направления. Совмещение двух оптик позволяет указать на ограничения и трансформации классических аргументов в сегодняшних условиях (например, необходимость формулирования нового «радикального требования» взамен марксова требования отмены прибавочного труда).

3. Включением в исследование утопии западного марксизма смежных концептов и теоретических аргументов (например, «мессианского времени» Вальтера Беньямина).

Основные результаты исследования

В первой части исследования проведен **анализ темпоральных режимов** пре-модерна, модерна и постмодерна на предмет возможности существования утопии в их рамках. (1) В рамках до-модернового темпорального режима формируются некоторые ключевые элементы для

возникновения современного представления о мире и времени: античная постановка вопроса о социальном расслоении как движущей силе политических изменений; стоицистская концепция «начал разумности», гарантирующих тождественность реальности и нашего мышления о ней и послуживших в этом качестве основой для модернизирующих интенций в мышлении раннего Нового времени; линейная концепция времени, возникающая в недрах политической теологии Аврелия Августина. (2) Вместе с тем в до-модерновых обществах эти концепции остаются отдельными разрозненными элементами; на уровне же цельного восприятия темпоральный горизонт пре-модерна напрямую закрывает возможность утопии как политического проекта в силу циклической концепции времени без возможности радикального изменения и «вневременного» характера классических античных утопий (Платон, Гесиод).

Постмодерн как темпоральный режим является, как минимум, проблематичным для разворачивания политической утопии (в т.ч. утопии марксистского образца) в силу (1) своего недоверия к производству истин о мире – особенно в форме больших нарративов, – которое, однако, может приводить к еще более фундированному не-нарративному обоснованию статус-кво (случай Жана-Франсуа Лиотара); (2) амбивалентной иронической установки, которая может служить как основанием для критики, так и способом формирования циничного отношения субъекта к миру и своему месту в нем. Осуществляемая из постмодернистской позиции критика утилитарной жертвенности утопий и акцент на «плюрализме голосов» является важными для теории утопии позициями, но могут быть также артикулированы и изнутри режима модерна.

Специфика модерна как темпорального режима в отношении утопии обуславливается тремя условиями-вызовами: (1) напряжением между импульсами к открытости качественным переменам и к самозакрытию, редуцированию современности до одной из ее характеристик (рационализации, глобальному капитализму, и т.д.); (2) проблематизацией

возможности конкретной утопии на фоне общей модернистской практики самообновления, включения собственной критики в свою программу развития; (3) колонизацией времени, ослабляющей возможности любого мышления за рамками повседневно заданных фактов, в т.ч. мышления утопического. При этом все три условия не являются автономными друг от друга: именно открытость модерна к изменениям в целом приводит и к проблематизации конкретной утопии, и к колонизации ускоряющегося времени, каждый момент которого должен быть занят пресловутыми изменениями в лучшую сторону.

Во второй части исследования представлен **анализ специфически современной конфигурации капитализма** на предмет тех условий, которые касаются непосредственно перспектив марксистской утопии, определяющей себя через критику и отрицание капитализма. (1) Рост неравенства и отсутствие встроенных экономических механизмов его смягчения актуализирует запрос на левые политические проекты; одновременно присущая неравенству прекаризация, а также рост долговой нагрузки домохозяйств ослабляют возможности для утопического мышления субъектов на практике. (2) Финансиализация капитализма одновременно создает повестку для протестных движений (на примере OWS) и делает более проблематичным ясное мышление о его возможных альтернативах, в котором сложно избежать соблазна простых рецептов «возвращения к традиционной экономике». (3) Глобализация капитализма одновременно делает невозможными «классические» локальные утопии и локальные «остановки времени», экономически стабилизирует статус-кво финансового капитализма и, при этом, порождает новые социальные проблемы и способствует лучшей диффузии идей. (4) Имманентная утопичность капитализму (по принципу «далее – лучше») в сочетании с биополитическим модусом управления в современных развитых обществах становится «реальным» концом истории, проблематизируя как возникновение субъекта политического действия, так и утопического мышления за рамками налично данной реальности.

Третья часть работы посвящена **анализу проблемы утопии в работах Карла Маркса и Фридриха Энгельса**. (1) Методами «истории понятий» позиция Маркса и Энгельса ставится в соответствующий исторический контекст: их знаменитая критика предшественников, «утопических социалистов», ставшая основой для дальнейшего дезавуирования утопии во всей марксистской традиции, является, во многом, способом укрепить собственные позиции в ситуации политического паритета. (2) В ранних работах Маркса обнаруживаются эксплицитные описания утопии коммунизма (например, утопия преодоления разделения труда в «Немецкой идеологии»), в поздних работах эти описания исчезают из-за столкновения с проблемой «реальных абстракций», выводимой в «Капитале». (3) В ответ на этот вызов функционируют скрытые «утопические» ходы мышления Маркса – радикальное требование, абсолютная негативность и самоценность сообщества. (4) Построения Маркса и Энгельса на протяжении большей части их творческого пути содержат в себе прогрессистскую установку, отрицающую возможность утопии как непредзаданного детерминистски качественного изменения мира, но в отдельных вопросах Маркс отходит от жесткого прогрессизма «теории общественных формаций» (например, при рассмотрении вопроса о русской крестьянской общине и ее прямом переходе в социализм без прохождения стадии капитализма).

Четвертая часть исследования сфокусирована на основной (касательно утопии) теоретической развилке в традиции западного марксизма в XX веке, на **анализе «внутреннего раздвоения» Франкфуртской школы**. (1) Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно закрепляют отход западного марксизма от утопических проектов в пользу «чистой критики» в силу критического осмысления последствий больших модернизационных / утопических проектов Нового времени (фашизма и советского социализма). (2) Позиция Хоркхаймера и Адорно становится «мейнстримом», ассоциирующимся с позицией Франкфуртской школы в целом в силу контекстуальных причин: контекст Западной Европы и США середины XX века более способствует

культурной критике, нежели политической борьбе, а сами Хоркхаймер и Адорно занимают ведущие институциональные позиции (в отличие, например, от Вальтера Беньямина, который не занимает серьезных позиций в академии и рано умирает). (3) При этом внутри той же критической теории работают Герберт Маркузе, Вальтер Беньямин и Эрнст Блох, концепции которых являются либо прямой апологией утопии (в случае Блоха), либо разворачиванием смежных проблемных полей (мессианизм Беньямина отличается от утопии отсутствием целеполагания, но сохраняет мобилизующий заряд и позволяет провести мощную критику прогрессизма, политически ведущего к пассивному ожиданию «предзаданных» перемен).

Заключительная часть исследования представляет **анализ концептуальных стратегий защиты, реартикуляции или смещения от понятия утопии у современных теоретиков**, принадлежащих к традиции западного марксизма или испытывавших ее влияние. (1) Попытка разведения двух типов утопий: «полной утопии», с которой связываются негативные коннотации невозможности, абстрактности или утилитарной жертвенности; и некоторой промежуточной инстанции между согласием на статус-кво и «полной утопией», с которой связываются позитивные коннотации надежды, имманентного выражения реальных социальных противоречий и, соответственно, в той или иной форме – реализуемости (например, различие «утопии» и «утопийского» Иммануила Валлерстайна). (2) Перенос утопического «недостижимого горизонта» в конкретный, но конечный момент времен, смещение от утопии как *бытия* (состояния) к *событию* (коммунизм Жан-Люка Нанси, теория события Алена Бадью). (3) Намечаются контуры дальнейшей реабилитации понятия утопии на основе экзистенциалистского понятия *проекта* Жана-Поля Сартра: такое понимание утопии меняет ее целеполагание – от достижения заданной цели (которая либо успешно апроприируется современным капитализмом, либо означает в качестве недостижимой) к изменению в ходе движения к цели самого действующего.

Положения, выносимые на защиту

(1) Темпоральный режим модерна (в отличие от режимов пре-модерна и постмодерна) является единственным темпоральным режимом, в котором концептуально представимо существование утопии как политического проекта. В то же время ряд конститутивных характеристик модерна – стремление к самозакрытию, перманентная революционность и колонизация времени – проблематизируют возможности утопического мышления.

(2) Внутренние противоречия капитализма в его современной конфигурации усиливают запрос на левую утопию, но его усложненная структура (финансиализация, глобализация, когнитивный характер труда) делает нерелевантными классические утопические конструкции левых.

(3) Имманентная утопичность капитализма (по принципу «дальше – лучше») в сочетании с биополитическим модусом управления в современных развитых обществах становится «реальным» концом истории, проблематизируя как возникновение субъекта политического действия, так и утопического мышления за рамками налично данной реальности.

(4) Аргументы как в поддержку, так и в опровержение возможности / необходимости утопии в традиции западного марксизма должны рассматриваться в связи с социальным контекстом их формулирования.

(5) Эксплицитные утопические описания коммунизма у раннего Маркса уступают место скрытым «утопическим» ходам мышления как в ранних, так и в поздних работах – таким как радикальное требование, абсолютная негативность и самооценность сообщества.

(6) Позиция Франкфуртской школы как ведущего направления западного марксизма в XX века содержит внутренний раскол на «чисто критическое» направление в лице Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно и более близкие к утопизму, но менее представленные в последующей рецепции позиции Эрнста Блоха и Вальтера Бенямина.

(7) Современные теоретики, близкие к традиции западного марксизма, прибегают к стратегиями концептуального различения «верной» и «неверной» утопий, либо переноса «идеального горизонта» в конкретный момент времени, акцента не на бытии, но на событии.

Апробация результатов исследования в публикациях

1. Иншаков И. А. Концепция мессианского времени Вальтера Бенямина и ее политические импликации // Социологическое обозрение. 2023. *(принято в печать)*

2. Иншаков И.А. Соотношение научных и утопических элементов в политическом мышлении Карла Маркса // Политическая наука. 2023. №2 *(принято в печать)*

3. Иншаков И.А. Современность как время для утопии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2022. – №1(104). – С. 7-23. doi 10.30570/2078-5089-2022-104-1-7-23.

4. Иншаков И.А. Постмодерн как (не) время для утопии // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы. Материалы IX Всероссийского конгресса политологов (под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой). М.: Аспект Пресс, 2021. С. 213-214.

Апробация результатов исследования на конференциях

1. IX Всероссийский конгресс политологов "Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы"; круглый стол "Актуальные вопросы политической философии". Доклад: "Постмодерн как (не) время для утопии". РАПН, Москва (онлайн-формат). 18.12.2021

Список литературы

- Агамбен Дж. *Ното Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Издательство «Европа», 2011.
- Андерсон П. *Размышления о западном марксизме*. М.: Commot place, 2016.
- Арон Р. *Опиум интеллектуалов*. М.: Издательство АСТ, 2015.
- Бадью А., Тарби Ф. *Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013.
- Беньямин В. К критике насилия // Беньямин В. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. Сб. статей. М.: РГГУ, 2012.
- Берлин И. Существует ли еще политическая теория? // Берлин И. *Подлинная цель познания. Избранные эссе*. М.: Канон+, 2002. С. 81-123.
- Бодрийяр Ж. *Америка*. СПб: Владимир Даль, 2000.
- Будрайткис И. Современная левая мысль: «конкретный анализ конкретной ситуации» и его теоретические обоснования // *Социология власти*. Т. 30. №4. 2019. с. 8-11.
- Вахштайн В. Архитектура утопического воображения: попытка концептуализации // *Социология власти*. №4. 2014. с. 13-37.
- Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ad Marginem, 2013.
- Гройс Б. *Утопия и обмен*. М.: Издательство «Знак», 1993.
- Джеймисон Ф. Политика утопии // *Художественный журнал*. №84. 2011.
- Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
- Жижек С. *Возвышенный Объект Идеологии*. М.: Издательство «Художественный журнал», 1999.

Жижек С. *Размышления в красном цвете*. М.: Издательство «Европа», 2011.

Капустин Б. Бессубъектная политика перед лицом кризиса // *Русский журнал*. 2009.

Капустин Б. *Критика политической философии: Избранные эссе*. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.

Капустин Б. *Размышления о конце революции*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // *Отечественные записки*. №5. 2004.

Козеллек Р. Введение // *Словарь основных социологических понятий. Избранные статьи в 2-х томах*. Т.1. М.: Новое литературное обозрение, 2014. с. 23-44.

Крауч К. *Постдемократия*. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

Мангейм К. *Идеология и утопия. Диагноз нашего времени*. М.: Юрист, 1994.

Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии*. М.: Директ-Медиа, 2014.

Мюллер Я. *Споры о демократии: политические идеи в Европе XX века*. М.: Изд-во института Гайдара, 2013.

Поппер К. *Открытое общество и его враги*. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

Рансьер Ж. *На краю политического*. М.: Праксис, 2006.

Рансьер Ж. *Несогласие*. СПб.: Machina, 2013.

Розанвалон П. *Утопический капитализм*. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Соболева И. Шмитт и левая мысль: пределы совместимости концепций // *Логос*. №5(89). 2012. с. 178-195.

Серенсен Э. *Мечта о совершенном обществе. Феномен тоталитарной идеологии*. М.: Прогресс-Традиция, 2014.

Скотт Дж. *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга, 2005.

Стюарт Дж. *Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы*. М.: Ад Маргинем, 2018.

Хабермас Ю. Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии // Хабермас Ю. *Политические работы*. М.: Праксис, 2005. с. 87-113.

Хабермас Ю. *Вовлечение Другого: очерки политической теории*. СПб.: Издательство "Наука", 2008.

Хардт М., Негри А. *Империя*. М.: Праксис, 2004.

Чаликова В.А. *Утопия и свобода*. М.: Весть, 1994.

Шацкий Е. *Утопия и традиция*. М.: Прогресс, 1990.

Шмитт К. *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса*. СПб.: "Владимир Даль", 2006.

Шмитт К. *Понятие политического*. СПб.: Наука, 2016.

Abensour M. The History of Utopia and the Destiny of its Critique // in *Political Uses of Utopia: New Marxist, Anarchist, and Radical Democratic Perspectives* / ed. by S. D. Chrostowska and J. D. Ingram. N.Y.: Columbia University Press, 2017.

Amis M. *Koba the Dread: Laughter and the Twenty Million*. London: Jonathan Cape, 2002.

Bauman Z. *Towards a Critical Sociology: An Essay on Commonsense and Emancipation*. L: Routledge, 1976.

Bell D. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. N.Y.: Free Press, 1962.

Berg de H. Utopia and the End of History // in *Utopia: Social Theory and The Future* / ed. by M. Jacobsen and K. Tester. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2012.

Buber M. *Paths in Utopia*. Boston: Beacon Press, 1958.

Callinicos A. *An Anti-Capitalist Manifesto*. Cambridge: Polity Press, 2003.

Fischbach F. Marx and Utopia // in *Political Uses of Utopia: New Marxist, Anarchist, and Radical Democratic Perspectives* / ed. by S. D. Chrostowska and J. D. Ingram. N.Y.: Columbia University Press, 2017.

Fukuyama F. The End of History? // *The National Interest*. 1989.

Harvey D. *Spaces of Hope*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000.

Hunt L. The Rhetoric of Revolution in France // *History Workshop Journal*. 15. 1983. pp. 78-94.

Isaac, J. The Strange Silence of Political Theory // *Political Theory*. 23:4. 1995. pp. 636-652.

Jacobsen M., Tester K. Introduction: Utopia as a Topic for Social Theory // in *Utopia: Social Theory and The Future* / ed. by M. Jacobsen and K. Tester. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2012.

Jameson F. Future City // *New Left Review*. 2003. №21.

Kellner D. Western Marxism // in *Modern Social Theory: An Introduction* / ed. by Austin Harrington. Oxford University Press, 2005.

Koselleck R. *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Cambridge: MIT Press, 1988.

Koselleck R. The Temporalization of Utopia // Koselleck R. *The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2002. pp. 84-99.

Koselleck R. *Futures Past. On the Semantics of Historical Time*. N.Y.: Columbia University Press, 2004.

Kumar K. *Utopia and Anti-Utopia in Modern Times*. Oxford: Basil Blackwell, 1987.

Kumar K. Aspects of the Western Utopian Tradition // *History of the Human Science*. Vol. 16. No 1. 2003. pp. 63-77.

Lassman P. Political Theory as Utopia // *History of the Human Science*. Vol. 16. No 1. 2003. pp. 49-62.

Levitas R. Introduction: The Elusive Idea of Utopia // *History of the Human Science*. Vol. 16. No 1. 2003. pp. 1-10.

Lipset S. *Political Man: The Social Bases of Politics*. N.Y.: Doubleday, 1960.

Marchart O. *Post-Foundational Political Thought: Political Difference in Nancy Lefort, Badiou and Laclau*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.

Marcuse G. *Five Lectures*. London: Allen Lane The Penguin Press, 1970.

Mouffe C. *On the Political*. London and New York: Routledge, 2005.

Pankakoski T. Conflict, Context, Concreteness: Koselleck and Schmitt on Concepts // *Political Theory*. 38:6. 2010. pp. 749-779.

Privatization of Hope: Ernst Bloch and the Future of Utopia / ed. by Slavoj Zizek et al. Durham and London: Duke University Press, 2013.

Rismal N. *The Ends of Utopian Thinking: Marx, Adorno, Bloch* (thesis). University of Cambridge, 2017.

Sinnerbrink R. From Machenschaft to Biopolitics: A Genealogical Critique of Biopower // *Critical Horizons*. 6:1. 2015. pp. 239-265.

Specter M. What's "Left" in Schmitt? From Aversion to Appropriation in Contemporary Political Theory // in *The Oxford Handbook of Carl Schmitt* / ed. by Jens Meierhenrich and Oliver Simons. N.Y.: Oxford University Press, 2016.

Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*. London: Verso, 2015.

Traverso E. *Left-Wing Melancholia*. NY: Columbia University Press, 2016.

Turner C. Manheim's Utopia Today // *History of the Human Science*. Vol. 16. No 1. 2003. pp. 27-47.